

спряжение – для местоименных глаголов. Местоименные наречия лишены форм словоизменения, как и обычные наречия.

Изучение проблемы категориальности местоимений бурятского языка имеет важное значение в лингводидактике. Следуя положениям, высказанным Г.Д. Санжеевым, В.И. Рассадиным, Т.Б. Аюуш и Д.Д. Доржиевым, в качестве лингвистической основы методики обучения местоимениям бурятского языка в национальной школе полагаем, что необходимо учесть следующие наиболее существенные аспекты понятия «местоимение»:

1) местоимение – это самостоятельная часть речи бурятского языка, которая не называет предметы, явления, признаки, свойства, качества, действия, обстоятельства, а лишь указывает на них;

2) в речи местоимения бурятского языка выполняют особую функцию замещения не только именных слов, но и наречий, глаголов. Поэтому принятый в бурятском языкознании термин «*тулөөнэй нэрэ*» (местоимение) следует заменить термином «*тулөөнэй үгэ*» (замещающее слово);

3) речевые функции местоимений бурятского языка зависят от того, какую часть речи они замещают, принимая на себя их функцию.

Таким образом, способность местоимений бурятского языка указывать и замещать в речи все назывные части речи и выполнять тем самым их речевые функции являются основными характеристиками этого понятия.

Литература

1. Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. – М., 1941.
2. Цыдендамбаев Ц.Б. Местоимение // Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
3. Цыдыпов Ц.Ж.Ц. Буряад хэлэнэй морфологи. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988.
4. Дондуков У.Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964.
5. Рассадин В.И. Местоимения в монгольских языках // Вопросы грамматики монгольских языков. – Новосибирск, 1991.
6. Аюуш Т.Б. Местоимения в монгольском и русском языках. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 1998.
7. Доржиев Д.Д. Мүнөөнэй буряад хэлэн. Морфетикэ. – Улан-Удэ: Бэллэг, 2002.

Ц.А. Санданова

аспирант кафедры бурятского языка Бурятского государственного университета
г. Улан-Удэ

Проблемы семантического описания глаголов речи в бурятском языке

Статья посвящена одному из традиционно трудных вопросов бурятской лексикологии – определению типологии глагольных лексических единиц, классифицируемых при описании семантических групп, а также фиксируемых в лексикографических работах.

Ts. Sandanova

The Problems of Semantic Description of Speech Verbs in Buryat Language

The article is devoted to one of traditionally difficult issues of the Buryat lexicology which concludes in determination of typology of verbal lexical units. The verbs are classified in description of semantic groups and they are included in lexicography works content.

При описании семантики глаголов речи в бурятском языке возникает ряд проблем, обусловленных, прежде всего, особенностями агглютинативно-аналитического строя бурятского языка. Эти особенности усложняют определение границ глагольных семантических групп в связи с бесчисленным множеством возможностей образования сложных глаголов, аналитических словоформ, различных модификаций, зависящих от диалектов, степени образованности говорящих, возраста, а также других экстралингвистических факторов и в связи со сложностью определения границ слова и словосочетания. Данные проблемы обуславливают необходимость оп-

ределения типов глагольных лексических единиц в бурятском языке, классифицируемых при описании глагольных семантических групп.

Как известно, основной структурно-семантической единицей языка является слово. По морфологической структуре В.М. Егодурова (1, с.12) выделяет два типа глагольных слов в бурятском языке: синтетические и составные. **Синтетические глаголы** – это однословные глаголы, которые имеют в своем составе один или два корня. Глаголы с одним корнем принято называть простыми (*хэлэхэ*), глаголы с двумя корнями – сложными (*дуугарха*: *дуу* + *гараха*). **Составные глаголы** представляют собой лексико-грамматическое единство из двух-трех значимых компонентов (*хөөрээжэ үгэхэ* (рассказать), *асуужа абаха* (спросить), *эрижэ абаха* (выпросить)).

Автором выделена лексическая группа глаголов, способных выступать в функции вспомогательных в соединении с другими глаголами для образования составных глаголов. К ним относятся фазовые глаголы: *забдаха*, *захалха*, *эхилхэ* – начинать, *дууһаха*, *бараха* – кончить; модальные глаголы: *шадаха* – мочь, уметь, быть в состоянии, *ядаха* – не мочь, не уметь, не быть в состоянии, не иметь возможности; другие глаголы: *хэхэ* – делать, *алдаха* – лишаться, терять, утрачивать, *ошохо* – идти куда-то, *ерэхэ* – прийти откуда-то, *орохо* – войти, *гараха* – выйти, *үгэхэ* – отдать, *абаха* – взять, *һууха* – сидеть, *унаха* – падать, *орхихо* – оставить, *ябаха* – идти, *болохо* – стать, становиться и т.д.

И синтетические, и составные глаголы могут иметь аналитические словоформы, выражающие видовые и временные значения и представляющие семантическое, морфологическое и синтаксическое единство компонентов с обязательным участием служебного глагола. Служебными глаголами выступают глаголы *байха* и *болохо*.

При образовании составных глаголов в процессе словообразования употребляются вспомогательные глаголы, а при образовании аналитических форм глаголов употребляются служебные глаголы.

Графически раздельное написание усложняет разграничение составных глаголов от аналитической словоформы синтетического глагола, а также от словосочетаний и фразеологизмов. Г.Ц. Пюрбеев по этому поводу пишет следующее: «Основное отличие свободных словосочетаний от слов, в том числе от сложных, а также от устойчивых образований фразеологического и терминологического характера состоит в том, что синтаксические словосочетания создаются говорящими каждый раз заново. Слова же в любой разновидности, а также фразеологизмы... воспроизводятся как готовые единицы» (2, с.5).

Подробнее остановимся на некоторых положениях, высказанных В.М. Егодуровой в ходе анализа составных глаголов в связи с тем, что составные глаголы представляют значительную часть лексического состава глагола и в бурятском языке до конца не изучены:

1. В составных глаголах из двух компонентов в качестве первого компонента выступает номинативно полнозначное соединительное или разделительное деепричастие, в качестве второго компонента употребляются глаголы, составляющие лексико-грамматическую группу вспомогательных глаголов. Например: *хэлэжэ үгэхэ* (сказать), *эрижэ абаха* (выпросить).

2. Составными в бурятском языке являются глаголы из первого компонента в форме соединительного или разделительного деепричастия и вспомогательного глагола с фазовым значением, выражающим начало, конец действия: *забдаха*, *захалха*, *эхилхэ* – начинать, *дууһаха*, *бараха* – кончить. Например: *хөөрээжэ забдаха* (закончить рассказывать), *хараажэ бараха* (закончить ругать).

3. К составным относятся в бурятском языке глаголы, состоящие из соединительного деепричастия в сочетании с модальными глаголами *шадаха* – мочь, уметь, быть в состоянии; *ядаха* – не мочь, не уметь, не быть в состоянии, не иметь возможности. Модальные глаголы *шадаха*, *ядаха* могут входить в сочетания с одними и теми же глаголами. Например: *хэлэжэ шадаха/ядаха* (уметь/не уметь говорить); *мэндэшилжэ шадаха/ядаха* (уметь/не уметь приветствовать).

4. Составными глаголами в бурятском языке являются парные глаголы с сочинительной связью компонентов. Например: *бадарха зандаха* (кричать браниться), *хашихарха ооглохо* (кричать звать), *мүргэхэ эрихэ* (молиться просить), *хаахирха хуухирха* (кричать орать).

5. В бурятском языке существуют лексико-грамматические группы префиксоидных (или превербальных) глаголов, в которых в качестве первого компонента употребляются звукоподражательные или образные слова, междометия, частицы отрицания, глаголы в усеченной или

архаичной форме, имеющие значения мгновенности, кратности, повторяемости, неполноты, основательности, уничтожения и других характеристик действия. В роли второго компонента выступают глаголы *гэхэ*, другие глаголы активного действия. Например: *дуугарад гэхэ* (про-молвить); *уг-маг гэхэ* (бормотать невнятно), *гүбэр-шэбэр хөөрэлдэхэ* (разговаривать шепотом), *тар-тур гэлдэхэ* (повздорить); *хуха хэлэхэ* (обругать) и т.д. (1) (Примеры наши).

Составные глагольные слова бурятского языка не нашли отражение в отдельных словарных статьях толковых переводных словарей. На наш взгляд, составные глаголы, как и синтетические лексемы, могут быть включены в словари в качестве полноправных лексических единиц, так как обладают семантической, морфологической и синтаксической цельностью.

Характерным лексическим образованием в бурятском языке, также как и в других языках, особенно агглютинативных монгольских и тюркских, являются **парные слова**: *хэлэхэ хөөрэхэ* (говорить рассказывать), *гэмэрхэ гэгэхэ*, *харааха шэрээхэ* (ругать), *мэхэлхэ гохолхо* (обманывать) и др.

В бурятском языке парные слова изучались фрагментарно [статьи А.А. Дарбеевой (1963), У-Ж.Ш. Дондукова (1968), Н.Н. Очировой (1999), Д.Д. Доржиевой (2004)], в связи с этим сохраняется необходимость комплексного изучения редуцированного пласта лексики в бурятском языке.

При анализе глаголов речи в бурятском языке выявлено более тридцати парных глагольных сочетаний. Между тем обнаружилось, что парные глаголы имеют достаточно гибкую структуру семантических взаимоотношений компонентов и могут включать в процесс словообразования больший круг глаголов в зависимости от коммуникативной ситуации.

Между компонентами обнаруженных парных слов можно выделить следующие семантические отношения:

1. Глагол + глагол (оба компонента являются самостоятельными, с полноценными лексическими значениями): *гэмэрхэ гэмшэхэ* (ворчать брюзжать), *хааха харааха* (теснить ругать), *хэрэлдэхэ нанилдахэ* (ругаться драться) и др.

2. Глагол с полноценным лексическим значением + пассивный глагол, отдельно в языке не встречающийся: *хардахэ буридахэ* (клеветать), *хоблохо жэблэхэ* (оговаривать).

3. Глагол с полноценным лексическим значением + диалектный глагол: *хэлсэхэ зугалсаха* (разговаривать беседовать).

Появление парных слов с подобными семантическими отношениями диктуется естественными потребностями языка. Ц.Б. Цыдендамбаев заметил: «Парные слова вызваны к жизни, надо полагать, для лучшего взаимопонимания между представителями диалектов одного и того же языка. Это – главное их назначение, имеющее в условиях многодиалектного бурят-монгольского языка исключительное значение» (3, с.124).

В отличие от русского в бурятском языке употребление парных слов не связано со стилем и встречается во всех видах литературного и разговорного языка. Парные глаголы речи в большинстве своем образуют интенсивные пары, усиливая смысл того или иного слова. Поэтому в предложениях с парными словами чаще всего отсутствуют обстоятельства, характеризующие усилительный характер, но тем не менее интенсивность передаваемого действия понятна для носителя языка.

Полноправными лексическими единицами, также обладающими семантической, морфологической и синтаксической цельностью, являются **фразеологизмы**.

Проблемам фразеологии бурятского языка посвящена монография Ц.Б. Будаева «Фразеология бурятского языка», в которой дается такое определение фразеологизма: «Под фразеологическим оборотом подразумевается воспроизводимая в речи общепотребительная (во всенародной или более узкой сфере) языковая единица, состоящая не менее чем из двух знаменательных слов и целостная по своему значению» (4, с.6).

Т.А. Бертагаев в статье «Об устойчивых фразеологических выражениях (на материале современного бурят-монгольского языка)» фразеологическими единицами называет «сочетания слов, синтагмы, иногда предложения, выражающие единое, целое понятие и социально (нормативно) установившиеся в языке в этой роли. Иначе говоря, лексикализованное сочетание слов и есть устойчивая фразеологическая единица» (5, с.65).

Специальным исследованием, объектом которого выступает глагольная фразеология, является монография Г.Ц. Пюрбеева «Глагольная фразеология монгольских языков» (1972), содер-

жание которой основано на анализе материалов трех близкородственных языков: собственно монгольского, калмыцкого и бурятского. Глагольные фразеологические единицы автор определяет как устойчивые словосочетания, имеющие в качестве стержневого компонента глагол (или глагольную форму) и обладающие метафорическим, переносным значением целого или «частных». Исследователь пишет, что одним из определенных признаков фразеологических единиц является то, что они способны выступать в функции лексикализованной номинации действия, состояния и предмета, структурно соответствуя формам словосочетаний (6, с.8).

Поскольку фразеологизмы являются лексикализованными единицами, они выступают объектом анализа и семантического описания наравне с другими языковыми лексическими единицами.

Фразеологизмы бурятского языка, номинирующие речевое действие, представляют собой значительную часть лексико-семантической группы глаголов речи бурятского языка и выражают самые разнообразные значения, например: беседы – *уни бутарха* (букв. угольки рассыпаются), клятвы – *тангариэ үргэхэ* (букв. клятву поднимать), спора – *үгэ буяалдаха* (букв. слово отбирать друг у друга), ругани – *хараал шэрээл табилдаха* (букв. ругань ставить), сплетни – *хоб шэрэхэ* (букв. сплетню таскать) и др.

Кроме вышеперечисленных, в бурятском языке функционируют лексические единицы типа *асуудал табиha* (вопрос ставить), *наада бариха* (шутку держать), *зүбишэл үгэхэ* (согласие давать), которые мы в соответствии с подобными образованиями в других языках определили как глагольно-именные сочетания (С.Х. Битокова, В.В. Лопатинская, Л.В. Тарамжина).

Свойства глагольно-именных сочетаний ученые выявляют в основном через сопоставление с глаголом, имеющим словообразовательные связи с субстантивным компонентом словосочетания. Данные сочетания могут выступать синонимами одиночных глаголов, образованных на основе именного компонента сочетания (*гомдол бариха* – *гомдохо* (возмущение держать – возмущаться); *гэмэрээ гаргаха* – *гэмэрхэ* (ворчание выпускать – ворчать); *асуудал табиha* – *асууха* (вопрос ставить – спрашивать). Однако в отличие от однокоренного глагола устойчивое сочетание передает больший объем информации, поскольку в его состав могут быть включены компоненты, определяющие существительное, уточняющие действие (*асуудал олоор табиha* (ставить много вопросов), *тобишо харюу үгэхэ* (давать подробный ответ). Важно знать, что при некоторых устойчивых сочетаниях соотносительный глагол может отсутствовать (сравните: *зүбишөөл үгэхэ* (согласие давать) – *зүбишөөхэ* (соглашаться), *зүбишоол ураха* (разрешения спрашивать) – соответствующий глагол отсутствует. Устойчивое сочетание и одиночный глагол часто имеют одинаковое управление: *хөөрэлдөө үнгэргэхэ (хэнтэй?)* – *хөөрэлдэхэ (хэнтэй?)* (беседу проводить (с кем?) – беседовать (с кем?)), *заабари үгэхэ (хэндэ?)* – *заабарилха (хэндэ?)* (наказ давать (кому?) – наказывать (кому?)).

На данном этапе развития языкознания затруднение вызывает выделение глагольно-именных сочетаний в связи со сложностью отграничения от переменных словосочетаний и от фразеологических единиц. Взгляды исследователей в этом вопросе расходятся.

Так, А.В. Кумачева причисляет глагольно-именные сочетания данного типа к фразеологическим единицам, А.И. Смирницкий – к аналитическим грамматическим формам, называя их традиционными словосочетаниями, Ю.В. Шаламов считает их полуграмматизированными образованиями, выражающими видовые значения.

Современные исследователи относят глагольно-именные сочетания к сфере лексики и в последние годы в этом направлении ведется активная исследовательская работа (Р.Ф. Газизова, Р.М. Гайсина). Отмечается недостаточность фиксации в словарях только однословных лексем и необходимость дополнения словарных статей глагольно-именными сочетаниями. Этот факт подтверждает издание в последние годы таких словарей, как «Универсальный орфографический словарь русского языка с приложением глагольно-именных словосочетаний» под редакцией Т. Волковой (2000), «Русско-хинди словарь устойчивых глагольно-именных словосочетаний» О.Г. Ульциферова, А.А. Сигорского (2002); «Словарь-справочник словосочетаний русского языка» Е.С. Грабчиковой (2000), «Орфографический словарь русского языка с приложением глагольно-именных словосочетаний» Н.В. Соловьева (2003).

Склоняясь к точке зрения исследователей, причисляющих глагольно-именные сочетания к сфере лексики, мы считаем, что критерием выделения глагольно-именных сочетаний может

служить возможность внеконтекстуальной трансформации словосочетаний в однословный глагол по единой модели, образующей типизированное значение. Например:

Хөөрэлдөө хэхэ (үнгэргэхэ) = хөөрэлдэхэ.

Хэрүүл дэлгэхэ (хэхэ, гаргахэ) = хэрэлдэхэ.

үгэхэ (юу?) харюу (команда, зүбиэл, заабари, дуугаа) = харюусаха (командалха, зүбиөөхэ, заабарилха, дуугарха).

Таким образом, глагольно-именные сочетания – это устойчивые сочетания нефразеологического характера, соотносимые по значению со словообразовательной основой существительного. Подобные сочетания могут параллельно функционировать с глаголом, однокоренным именному компоненту.

В бурятском языке данные сочетания были зафиксированы исследователями, в частности, при составлении бурятско-русского словаря К.М. Черемисов большое количество глагольно-именных сочетаний включил в словарные статьи в качестве иллюстративного материала. (Ср.: наада(и) 1) игра, забава, развлечение; <...> 4) шутка, насмешка; наадан үгэ шутка (словесная), наадан хинэ играючи, шутя, наада бариха поднимать насмех, насмехаться) (7, с.315). Но до сих пор не было попыток определить их статус.

Глагольно-именные сочетания в перспективе требуют дальнейшего детального изучения, поскольку представляют собой довольно большой пласт лексического состава бурятского языка. Отмечается широкий вариационный потенциал бурятского языка, выявленный нами по ходу анализа материала. Одно и то же слово может иметь незначительные различия, в основном фонетические. Например: *дурдаха, дурнаха, дурсаха; гондинаха, гондинохо, гонгинохо* и др.

По поводу вариационных потенций монгольского языка Г.Ц. Пюрбеев писал: «Если однокоренные слова – синонимы представляют разные словообразовательные единицы, которым присущи определенные различия в семантике и употреблении, то варианты слов, являясь видоизменениями одной и той же структуры, не имеют самостоятельных лексических значений. При модификации, касающейся фонетической и грамматической сторон слова, меняется его внешний облик и в отдельных случаях стилистическая характеристика» (8, с.32).

Кроме стилистической дифференциации подобные слова различаются употреблением в разных диалектных группах. Так, например, хоринские буряты при выражении значения 'ныть, жаловаться' говорят *гонгинохо*, а баргузинские буряты – *гондинаха*.

Наблюдения показывают, что наряду со словами литературного языка в семантическую структуру языка должны быть включены и диалектные слова, поскольку тенденции развития бурятского языка диктуют необходимость создания так называемого койне, о котором писал еще в 1965 г. Т.А. Бертагаев, предполагая, что для развития бурятского литературного языка требуется объединение говоров, пополнение лексического состава за счет диалектных слов (9).

Таким образом, объектом классификации при описании глагольных семантических групп, в частности глаголов речи, являются глагольные синтетические и составные слова, парные слова, фразеологизмы и глагольно-именные словосочетания, функционирующие как в литературном языке, так и диалектах бурятского языка.

Литература

1. Егудурова В.М. Глагол в бурятском языке. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2001.
2. Пюрбеев Г.Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. – М.: Наука, 1993.
3. Цыдендамбаев Ц.Б. О переводах общественно-политической литературы с русского языка на бурят-монгольский // Материалы науч. конф. по вопросам бурят-монгольского языка. – Улан-Удэ, 1955.
4. Будаев Ц.Б. Фразеология бурятского языка. – Улан-Удэ, 1970.
5. Бертагаев Т.А. Об устойчивых фразеологических выражениях // Сб. тр. по филологии. Вып. II. – Улан-Удэ, 1949.
6. Пюрбеев Г.Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. – М., 1972.
7. Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1973.
8. Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология. – М.: Наука, 1984.
9. Бертагаев Т.А. Ведущий диалект койне и литературный язык // Развитие литературных языков народов Сибири. – Улан-Удэ, 1964.